

SLAVES, SLAVEOWNING AND THE ROLE OF SLAVERY IN UGARIT

by M. L. Heltzer

In spite of the large quantity of documentary sources from Ugarit, we have relatively little material on slavery. Aside from the Accadian and Ugaritic terms for «slave» and «slavewoman» (ardu, amtu, 'bd, 'mt), the terms ġzr «youth», n'r «boy», pġt «girl», n'rt «little girl», and others, are often used of slaves. The documents also show that most members of agricultural communities and most «king's people» (bnš mlk) in Ugarit did not own slaves. Only among individual community members, among the service nobility and comparatively well-off royal serving personnel do we find slaveowners. Besides enslaved war prisoners and bought slaves, bondage for debt was an important source of slavery. There are no data on large royal or private slave estates in Ugarit, or on the use of slave labour in handicraft. The author also finds that slave labour played a much more modest role than did the labour of community members or of the dependent «king's people» bnš mlk, and that the total number of slaves in Ugarit was comparatively small.

«ОЛОВЯННЫЙ» ПУТЬ И СЕВЕРНАЯ ТОРГОВЛЯ МАССАЛИИ

Олово и янтарь наряду с золотом и серебром были драгоценнейшими товарами древнего мира. Как в XVI в. испанские конкистадоры прошли всю Америку в поисках золота, так за две тысячи лет до них финикийские и греческие моряки и торговцы устремлялись в неизведанные северные страны на поиски олова и янтаря. Простым, хотя и трудным путем получения этих товаров был путь по океану, через Столпы Геракла и дальше вдоль западных берегов Европы. Однако в проливе господствовал Гартесс, ревниво относившийся ко всякой попытке средиземноморских мореплавателей проникнуть в океан, а затем, на рубеже VI—V вв. до н. э., этот пролив был закрыт карфагенской блокадой. Грекам надо было искать другой путь, трансконтинентальный. Из возможных направлений такого пути самым коротким был путь через Галлию, от ее средиземноморского побережья, где находилась Массалия, основанная греками из Фокеи, до Галльского пролива, за которым простиралась богатая оловом Британия.

О существовании трансгалльского «оловянного» пути говорит Страбон со ссылкой на Посидония. Рассказывая об испанском олове, которое «находят не на поверхности, как болтают историки, но выкапывают из-под земли» (Ποσειδώνιος... τὸν δὲ κατὰ τὸν οὐκ ἐπιπολῆς εἰρὶσκόμεθαί φησιν ὡς, τοὺς ἱστορικοὺς θρυσεῖν, ἀλλ' ὀρύττεσθαι), Посидоний упоминает и об олове, которое из Британии доставляют в Массалию (ἐκ τῶν Βρεττανικῶν δὲ εἰς τὴν Μασσαλίαν κομίζεσθαι)¹. Об этом же пишет и Диодор. По его словам, олово имеется во многих местах Иберии, но «находится не на поверхности, как болтают некоторые в „Историях“, а выкапывается из-под земли» (γίνεται δὲ καὶ κασιτέρος... οὐκ ἐπιπολῆς εὐρὶσκόμενος, ὡς ἐν ταῖς ἱστορίαις τινὲς τεθρηνλήκασιν, ἀλλ' ὀρντόμενος). Далее Диодор говорит об олове, которое вывозится из Британии в Массалию, указывая, в отличие от Страбона, путь транспортировки металла: из Британии в лежащую напротив Галлию, затем на лошадях через внутреннюю область Кельтики, т. е. той же Галлии, до Массалии (πολύς δὲ καὶ ἐκ τῆς Βρεττανικῆς νήσον διακομίζεται πρὸς τὴν καταντικρὺ καὶ γαλιαν καὶ διὰ τῆς μεσογείου κελτικῆς ἐφ' ἵππων ὑπὸ τῶν ἐμπόρων ἄγεται παρὰ τε τοὺς Μασσαλιώτας)².

¹ Strabo, III, 2, 9.

² Diod., V, 38, 5.

Совпадение в первой части приведенных отрывков настолько разительное (разница между Страбоном и Диодором лишь в формах одних и тех же слов), что не возникает никакого сомнения, что источником и Диодора, и Страбона был Посидоний.

Далее у Страбона также упоминается о пути через Галлию от устья Родана (совр. Роны) до устья Секваны (Сены), а оттуда в Британию. Страбон указывает, что путь проходит вверх по Родану, затем по Арару (Соне) и его притоку Дубию (Ду), потом волоком до Секваны, по которой груз следовал до океана, откуда расстояние до Британии было меньше дневного пути (Strabo, IV, 1, 14). Источник этих сведений географа неясен, едва ли им был Посидоний³. Посидоний, правда, упомянут в начале параграфа, но ссылка на него относится только к той части повествования, где говорится о перешейке, отделяющем океан от моря у Нарбона. Надо отметить, что в данном отрывке речь идет о пути по рекам, в то время как в приведенной выше цитате из Диодора говорится о пути через Кельтику на лошадях (ἐφ' ἵππων). Страбон имеет в виду и эту возможность (часть грузов идет на повозках), но это относится к пути, идущему к Лигеру (Луаре), а не к Секване. Далее — у Посидония говорится о пути олова из Британии в Массалию, а у Страбона — о пути из Массалии в Британию. По-видимому, здесь Страбон использовал какой-то другой источник. Само же существование пути от устья Секваны до Массалии несомненно!

Деятельность Посидония относится к концу II — началу I в. до н. э. Таким образом, независимо от времени источника второго пассажа Страбона (им мог быть Артемидор, современник Посидония), сведения о трансгалльском пути олова восходят, и это следует подчеркнуть, к периоду, предшествующему завоеванию Галлии Цезарем. Указания на связь олова с Британией мы находим и у более раннего автора — Тимея (вторая половина IV — первая половина III в. до н. э.), который говорит о получении британцами олова с острова Минтос (у Plin., NH, IV, 104). Эти сведения, однако, относятся явно ко времени после путешествия Пифея. О времени, предшествующем этому путешествию, ясных известий в литературе мы не находим. Поэтому следует обратиться к результатам археологических изысканий, особенно активных в последнее время.

Массалия была основана в самом начале VI в. до н. э.⁴ И уже в первой половине VI в. греческие вещи появляются в лигурийских и кельтских поселениях к северу от Массалии. Во второй половине века торговли становится более интенсивной, о чем свидетельствует увеличение числа греческих изделий к северу от средиземноморского побережья. Греческую керамику VI в. (расписную ионийскую, серую монохромную с волнистым узором, называемую фокейской, массалиотскую и аттическую чернофигурную) в большом количестве находят в долине Родана, по обоим берегам реки, в частности в Пеге (деп. Дром) и Мальна (деп. Ардеш), затем в области Арара и Дубия, в том числе около Салена (деп. Юра), Пьер-Шателя (деп. Эн) и Мантоша (деп. Верхней Соны). Наконец, богатейший клад греческой керамики, датируемой как первой, так и второй половиной VI в. до н. э., найден в кельтском поселении Викс, на горе Ластак и второй половиной VI в. до н. э., найден в верхнем течении Секваны⁵. Вместе с керамикой в могиле знатной кельтской женщины около Викса обнаружен огромный греческий кратер из бронзы. Этот кратер по форме похож на другие подобные греческие изделия (ср., например, кратер из Требениште, Болгария), но намного превосходит их своими размерами: он достигает 164 см высоты и весит 208,6 кг, диаметр тулова в плечиках — 1,25 м. Горло кратера украшено рельефным фризом из четырех групп. Каждая группа представляет изображение воина со щитом впереди колесницы с воз-

³ Посидоний источником Страбона считает Ф. Вийяр: F. Villard, *La céramique grecque de Marseille*, P., 1960, стр. 155.

⁴ P. S. Scymn., 211—212; Euseb. Chron. 99, 4; Liv., V, 34; Just., XLIII, 3, 1; Solin., II, 52.

⁵ Villard, ук. соч., стр. 128—131; H. Gallet de Santerre, À propos de la céramique grecque de Marseille, REA, LXIV, 1962, стр. 388—396; J. Carcopino, Promenades historiques aux pays de la dame de Vix, P., 1957, стр. 13—14; W. Kimmig, Rapporti culturali tra la zona a nord delle Alpi e il mondo mediterraneo, «Atti del VII Congresso internazionale di archeologia classica», Roma, 1961, III, стр. 172—173.

ничим, запряженной в четверку коней. Тяжелые ручки кратера (каждая весит 45 кг) украшены изображениями горгон и змей⁶. Исследования уникального сосуда показали, что он был изготовлен в Великой Греции⁷. Что же касается пути доставки этой необыкновенной вещи, то надо думать, что она, как и основной керамический комплекс Вика, была доставлена через Массалию⁸. Все эти находки настолько совпадают с указанным Страбоном путем от устья Родана до Секваны (хотя в долине Секваны, кроме ее верхнего течения, греческие изделия пока не обнаружены), что, казалось бы нельзя сомневаться в его реальности.

Однако существует мнение, что греческие изделия попали на север и восток Галлии, в частности в Вика, не из Массалии через родано-секванский путь, а из Этрурии через альпийские проходы⁹. Это заставляет привести дополнительные аргументы в пользу существования родано-секванского пути в VI в. до н. э., как литературные (хотя они и не столь ясны, как сообщения Страбона и Диодора), так и археологические.

Еще до Геродота, не желавшего ничего говорить о северо-западных окраинах Европы по причине недостаточности сведений (Нер., III, 115), греки явно знали о кельтских землях. Это показывает фрагмент Гекатея, называвшего Массалию городом Лигурии вблизи Кельтики (FGH, I, Нес. fr. 55). Характерно, что Гекатей не только говорит о Кельтике, но называет ее именно в связи с Массалией. Надо еще учесть, что перед нами не подлинный отрывок из труда Гекатея, а только ссылка на него лексикографа Стефана Византийского. Поэтому трудно сказать, что именно имел в виду Гекатей, но несомненно, что в его «Описании земли» Массалия и Кельтика были как-то связаны.

Следует также отметить поэму Авiena «Морские берега». Та часть поэмы, которая описывает южное побережье Галлии, относится к наиболее древней части произведения Авiena. «Племя элизиков, — пишет Авиев, — раньше владело этими местами, и город Наро был огромной столицей этого дикого царства» (*gens Elesusum prius loca haec tenebat atque Naro civitas erat ferocis maximum regni caput*)¹⁰. Элизики, о которых говорит Авиев, упоминаются Гекатеем (FGH, I, Нес. fr. 53), а также Геродотом, который называет их среди карфагенских наемников в битве при Гимере (Нер., VII, 165). Гекатей называет и Нарбон под именем Нарбайус (FGH, I, Нес. fr. 54)¹¹. Далее Авиев упоминает город Безару (Besara)¹². Это имя — докельтское (его кельтским дубликатом было *Baeterrae*)¹³. Интересно, что Авиев не упоминает массалиотскую колонию Агату, существование которой в IV в. до н. э. несомненно. Ж. Жанноре, внимательнейшим образом изучивший археологию и историю Лангедока и Русильона периода железного века, указывает, что сведения поэмы отражают положение этих областей в конце VI или в начале V в. до н. э.¹⁴. Поэтому нельзя отвергать значение поэмы Авiena для ранней истории Массалии и ее торговли с Галлией. Из всех рек,

⁶ R. Joffroy, Note préliminaire sur la découverte d'une tombe à char de l'époque Hallstienne à Vix, «Gallia», XI, 1953, стр. 19—22; он же, Un sepulture à char en Côte-d'Or: découverte d'un grand cratère en bronze, RA, 6e Serie, XLI, 1953, стр. 98—99; он же, L'oppidum de Vix et la civilisation Hallstienne final dans l'est de la France, P., 1960, стр. 38; Я. Филипп, Кельтская цивилизация и ее наследие, Прага, 1961, стр. 38.

⁷ Joffroy, L'oppidum..., стр. 39; Villard, ук. соч., стр. 142.

⁸ Villard, ук. соч., стр. 141; Филипп, ук. соч., стр. 51.

⁹ J. Jannotta, Ensérune, P., 1955, стр. 284—289; R. Lantier, Le commerce marseillais, RA, 6e Serie, XXXVI, 1950, стр. 165—166; R. Lantier, рец. на: J. Sarrasin, Promenades historiques..., RA, 6e Serie, t. L, 1957, стр. 106; Joffroy, L'oppidum..., стр. 147—154.

¹⁰ Av. ог. мар. 586—588. Как полагает Ж. Жанноре, название Наро относилось к городу, который в римское время назывался Нарбоном (Narbo): Jannotta, ук. соч., стр. 294, прим. 1.

¹¹ Правда, у Стефана ссылки на указанные отрывки Гекатея находятся в разных местах: при слове Ἑλισίκοι и слове Νάρβων.

¹² Av. ог. мар. 591.

¹³ Jannotta, ук. соч., стр. 350, прим. 1.

¹⁴ Там же, стр. 286.

упомянутых поэтом, самое большое внимание уделено Родану¹⁵, что само по себе уже показывает значение этой реки для западных греков VI — начала V в. Авинен называет и некоторые племена, живущие вдоль реки, — тилинги, далитерны, клагильки, леменики — которые позже (например Страбоном) уже не упоминаются¹⁶. Указания поэмы подтверждают ту большую роль, какую играл Родан в жизни массалиотов, а косвенно — и использование этой реки для торговли с внутренними областями Галлии.

Археологический материал, найденный в Виксе, подтверждает связь этого района в основном с Массалией. Обнаруженные здесь этрусские вещи — бронзовая ойнохоя с венчиком в виде трилистника и несколько бронзовых тазов — относятся уже к последнему периоду существования виксского поселения, к концу VI — началу V в. до н. э.¹⁷. К тому же количество этрусских изделий несомненно с числом греческих, которые появляются здесь, как было сказано выше, с первой половины VI в.

Наибольшую часть греческой керамики, найденной в Виксе, составляет аттическая, намного превосходя количеством ионийскую и массалиотскую. Однако и Массалия не стояла в стороне от путей афинской торговли. Аттические сосуды появляются в Массалии уже вскоре после ее основания. К первой четверти VI в. до н. э. относятся 7 экземпляров аттических сосудов, ко второй — 42, к третьей — 175, к четвертой — 272¹⁸. Из этих цифр видно, что аттический импорт становится преобладающим в Массалии после падения Фокеи и битвы при Алалии, в которой фокейцы были разбиты этрусками и карфагенянами и вытеснены с Корсики (Нег., I, 166), т. е. после 40-х гг. VI в. до н. э. И в Виксе аттическая керамика появляется в основном во второй половине этого столетия; только немногие черепки относятся к его первой половине¹⁹; однако в данном случае нельзя было бы утверждать, что они оказались в этом районе непосредственно в годы изготовления или немного позже. В Виксе, как и в Массалии, а также в поселениях и могилах юга ионийский импорт предшествует аттическому²⁰. Засвидетельствовано здесь и наличие массалиотских амфор²¹. Характерен и следующий факт: Этрурия была богата аттической керамикой уже в самом начале VI в.: здесь было найдено 459 экземпляров из Аттики, датированных 600—530 гг. до н. э.²². И странно, почему в это время в Виксе почти отсутствует аттический импорт, если греческие товары доставляли туда этруски.

Все сказанное выше не исключает, однако, наличия этрусской торговли в Галлии и, в частности, в Виксе. Этрусские бронзовые сосуды VII — начала VI в. sporadически встречаются на территории Швейцарии, Восточной Галлии и Германии²³, но многочисленным этрусский импорт становится только с конца VI в. до н. э.²⁴. Поэтому нельзя приписывать этрускам доставку греческих товаров кельтам центральной и восточной Галлии.

Возможен третий путь: от побережья Адриатического моря через долину Пада (совр. По), а дальше через альпийские перевалы. Однако в Спине, главном греческом порте в северной части Адриатики, тщательно раскапываемом уже в течение долгого времени, греческая керамика не может датироваться ранее 520 г. до н. э.²⁵. В Адрии

¹⁵ Этой реке посвящено 59 стихов (630—688); однако надо отметить, что в описании Родана вставлено изложение мнения эпикурейцев о движении солнца, занимающее 23 стиха.

¹⁶ Av. og. mar. 673—676. Ср. Strabo, IV, 1, 11.

¹⁷ Joffroy, L'oppidum..., стр. 38—39, 159.

¹⁸ Villard, ук. соч., стр. 33. При этом следует учитывать характер находок в Массалии, где невозможны систематические раскопки.

¹⁹ Там же, стр. 129—130.; Joffroy, L'oppidum..., стр. 120—122.

²⁰ Villard, ук. соч., стр. 129 сл.

²¹ Joffroy, L'oppidum..., стр. 151.

²² Villard, ук. соч., стр. 124.

²³ Там же, стр. 128; Kimig, ук. соч., стр. 171 сл.

²⁴ Kimig, ук. соч., стр. 173; Филип, ук. соч., стр. 52.

²⁵ J. D. Beazley, Spina e la ceramica, «Atti del I convegno di studi etruschi», Firenze, 1959, Supplemento a «Studi etruschi», v. XXV, стр. 147; P. E. Arias, La ceramica greca di Spina e quella di Felsina, Atti..., стр. 65.

первые греческие сосуды появляются во второй половине VI в.²⁶ Расцвет же торговли греков в Паданской равнине начинается только после 480 г. до н. э.²⁷ Таким образом, этот третий путь проникновения греческих изделий вплоть до Секваны отпадает.

Итак, остается единственная возможность: греческие товары попали в Викс через Массалию. А это, вместе с находками греческих же изделий от Массалии до Вика, непреложно свидетельствует о существовании родано-секванского пути в VI в. до н. э. Однако нет никаких доказательств, что этот путь использовался ранее VI в. Иноземные товары, встречающиеся в кельтских поселениях и могилах VII в. до н. э., — это те бронзовые сосуды, о которых ранее шла речь. Их мало, и проникнуть они через долину Родана со средиземноморского побережья Галлии не могли. На этом побережье найдено большое количество этрусской керамики второй половины VII — первой половины VI в. до н. э. Однако эта керамика другого типа: в Галлии и Южной Германии найдены бронзовые сосуды (а также некоторые драгоценности), а на средиземноморском побережье — грубые амфоры (явно служившие тарой) и сосуды в стиле буссего пегоса²⁸. Поэтому надо считать наиболее вероятным путем проникновения этрусских сосудов во внутренние области Галлии путь через альпийские проходы, а не по Родану. Следовательно, родано-секванский путь возник только после основания Массалии.

Основание Массалии совпало с общественным расслоением кельтских племен. Именно на рубеже VII—VI вв. до н. э. появляются пышные гробницы, состоящие из просторных погребальных камер под грандиозными насыпными холмами высотой до 12 м, так называемые «княжеские могилы» (Fürstengräber); в это же время возникают укрепленные резиденции племенной знати, к каковым, например, принадлежало поселение на горе Лассуа (Викс). Центром развития кельтских племен в VI в. стала область Рейна и верхнего Дуная, Южная Германия и Восточная Галлия²⁹. Кельтская знать и была главным потребителем греческого импорта. Социальное развитие кельтских племен и деятельность массалиотских купцов создали родано-секванский путь.

Страбон говорит и о другом пути, который идет волоком до верхнего течения Лигера (Луары), а затем по этой реке в океан (Strabo, IV, 1, 14). На побережье Лигера во времена Пифея (вторая половина IV в. до н. э.) находилось торжище (ἐμπόριον) Корбиолон (Strabo, IV, 2, 1), который отождествляется с Нантом³⁰. Археологические исследования в долине Ардеша показывают большое значение этого притока Родана в массалиотской торговле³¹. Истоки Ардеша довольно близко подходят к истокам Лигера, хотя они разделены Севеннами; в верхней долине Лигера также найдены «фокейские» черепки (Сен-Видаль и Сен-Морис-сюр-Луар)³². В его нижней долине, около Анже, найдено бронзовое изображение головы грифа от треножника, изготовленного, без сомнения, в Великой Греции³³. Находки в долине Лигера еще слишком редки, однако сам факт появления греческих вещей и в верхнем, и в нижнем течении реки позволяет говорить о существовании и родано-лигерского пути, хотя и менее уверенно, чем о родано-секванском.

Массалиотская торговля распространяется и к востоку от Рейна. В Западной Германии были сделаны интересные находки в кельтском поселении Хойнебург на

²⁶ Beazly, ук. соч., стр. 48; B. Forlati Tamargo, Il problema di Adria, «Atti...», стр. 156.

²⁷ Beazly, ук. соч., стр. 48; Arias, ук. соч., стр. 68.

²⁸ Ch. Lagrand, Les influences d'Etrurie et du nord d'Italie en Provence, «Actes du 83e congrès national des sociétés Savantes, section d'archéologie», P., 1960, стр. 52; H. Gallet de Santerre, ук. соч., стр. 379 сл.; F. Benoit, Recherches sur l'ellénisation du midi de la Gaule, P., 1965, стр. 56.

²⁹ Kimmig, ук. соч., стр. 170; Филипп, ук. соч., стр. 29—57.

³⁰ Villard, ук. соч., стр. 147.

³¹ Gallet de Santerre, ук. соч., стр. 394.

³² Там же; Courtes communications, «Bulletin de la Société préhistorique française», t. LIV, f. 9, 1957, стр. 464.

³³ Villard, ук. соч., стр. 129.

верхнем Дунае (земля Баден-Вюртемберг)³⁴. Здесь обнаружена греческая керамика того же вида, что и в Виксе, хотя и в более скромном количестве. Среди керамики имеются два фрагмента понийских ваз первой половины VI в.³⁵ Во второй половине VI в. количество греческой керамики возрастает, к понийским сосудам первой половины века присоединяются фрагменты аттической чернофигурной керамики и массалиотских амфор³⁶. Кроме того, в Хойнебурге прослеживается также эллинское влияние в способе сооружения четвертого укрепления Хойнебурга (так называемый Хойнебург IV). Три предыдущих укрепления носят ярко выраженный кельтский характер, они сооружены из камня и дерева. Стена четвертого укрепления, относящаяся ко второй половине VI в. до н. э., построена из сырцового кирпича и покоится на каменном цоколе шириной в 3 м и высотой в 60 см; кирпичная кладка стены достигала, вероятно, высоты 4 м; кроме того, на одинаковом расстоянии друг от друга были построены четырехугольные бастионы, примыкавшие к стене. Такой способ постройки чужд кельтским укреплениям, но обычно встречается у греков и в районах греческого влияния, в том числе и в Юго-Восточной Галлии (совр. Прованс). Отсюда, естественно, вытекает вывод, что укрепление Хойнебург IV было сооружено под влиянием греков³⁷. Интересно отметить, что позже, когда прекращается греческий импорт, в начале латенского периода, новое укрепление (Хойнебург V) вновь строится по кельтскому образцу³⁸. Находки керамики показывают, что греческое влияние шло в Хойнебург именно через Массалию, а не через Италию³⁹.

Самая северо-восточная точка кельтского мира, где обнаружена греческая керамика (два чернофигурных черепка), — Мариенбург около Вюрцбурга (северо-западная часть Баварии)⁴⁰. Это проникновение в долину Рейна и к истокам Дуная, вероятно, привело к установлению связей массалиотской торговли с путем по Рейну, который, возможно, и возник в том же VI в. до н. э.⁴¹ Однако и родано-лигерский, и родано-рейнский пути, где число находок незначительно, не были столь освоенными, по-видимому, как родано-секванский.

Этими путями, особенно родано-секванским, и должно было доставляться в Массалию олово, как об этом говорит Посидоний. К сожалению, археологических доказательств торговли именно оловом до сих пор нет, оловянные слитки пока не найдены⁴². Однако, с одной стороны, указание Посидония на доставку массалиотам британского олова через внутреннюю область Галлии, а с другой, подтверждение археологией связей массалиотов с этой внутренней областью (и что особенно важно — с истоками Секваны, текущей в Ламанш) свидетельствуют о получении массалиотами этим путем именно олова. Косвенным доказательством является и богатство Вика: расположенный у истоков Секваны, там, где торговцы были вынуждены начинать волок из бассейна Секваны в бассейн Родана, он мог стать столь богатым торжищем только при условии доставки олова тем путем, о котором свидетельствуют Посидоний и неизвестный источник Страбона.

³⁴ Филипп, ук. соч., стр. 35.

³⁵ Villard, ук. соч., стр. 129.

³⁶ Там же, стр. 130, 133, Филипп, ук. соч., стр. 36; W. Kimmig, Ein attische schwarzfiguriges Fragment mit szenischen Darstellung von der Heuneburg a. d. Donau, AA, 1964, Hft 3, стб. 467—470.

³⁷ Филипп, ук. соч., стр. 35—36; Kimmig, Rapporti..., стр. 174; W. Dehn, La fortification de la Heudeburg (périod IV) et le monde Grecque-Méditerranéen, «Cahiers Rhodaniens», t. V, 1958, стр. 33—35.

³⁸ Филипп, ук. соч., стр. 36.

³⁹ На вопрос, кто же строил «греческое» укрепление Хойнебурга, ответить трудно. Я. Филипп (ук. соч., стр. 35) считает, что строитель был, по-видимому, приглашен с юга; В. Ден (ук. соч., стр. 35) предпочитает оставить вопрос открытым: может быть, строителями были и местные мастера, знакомые с методами и техникой эллинских построек.

⁴⁰ Kimmig, Ein attische..., стб. 470.

⁴¹ Р. Хенниг, Неизвестные земли, т. I, М., 1961, стр. 199.

⁴² F. Bourdier, Le bassin du Rhône au quaternaire, t. I, P., 1961, стр. 334; P. Fustier, Préparation et circulation du bronze dans le Gaule préromaine, «Gallia préhistoire», III, 1960, стр. 141.

Вместе с оловом этим же путем должен был следовать и янтарь. Геродот (III, 115) писал, что янтарь в Элладу приходит оттуда же, откуда и олово. Путь же янтаря в значительной степени шел по Родану. Греки связывали янтарь с мифической рекой Эриданом (что видно и в указанном пассаже Геродота): на берегах этой реки Гелиады, сестры Фаэтона, оплакивали своего погибшего неразумного брата и их слезы превратились в янтарь (Ovid. *Metam.* II, 323—366). Эридан обычно считался той же рекой, что и Пад (Plin., NH, XXXVII, 31). Но уже Эсхил говорил, что Эридан называется и Роданом (у Plin., NH, XXXVII, 32). По Апполодору, аргонавты, плывя по Эридану через земли лигуров и кельтов, попали из этой реки в Сардинское и Тирренское моря (Appolod. *bibl.* 1, 9, 24, 4—5); следовательно, и в данном случае Эридан, по крайней мере в части своего течения, отождествлялся с Роданом. Находки янтаря были сделаны в ряде мест «оловянного» пути, в частности в Виксе, где янтарь был обилен как в поселении, так и в могилах⁴³. Таким образом, можно говорить, что «оловянный» путь был в той же мере и «янтарным».

Какие же товары шли этими путями из Массалии в обмен на олово и янтарь? Страбон (IV, 1,5) называет главными продуктами массалиотского земледелия оливки и виноград. Эти слова характеризуют массалиотскую экономику I в. до н. э. — I в. н. э. Однако тот факт, что во всех местах находок керамики, идущей через Массалию, встречаются и остатки массалиотских винных амфор, говорит о торговле вином уже в первое столетие существования города. Обломки таких амфор найдены, в частности, в Виксе и Хойнебурге⁴⁴. О любви кельтской знати к вину и о доставке его в кельтские области массалиотами писал Посидоний (у Афиней) несколькими веками позже: «У богатых же пьется вино, доставляемое из Италии и из страны массалиотов, а оно неразбавленное» (Ath. IV, 152 c). В первый период своего существования Массалия, по-видимому, занималась и реэкспортом вина, ввозимого с Востока из Малой Азии. Об этом свидетельствуют находки ионийских винных амфор первой половины VI в. до н. э. в Хойнебурге, Виксе, Камп дю Шато (деп. Юра) на пути из Массалии в Викс⁴⁵.

Вместе с вином массалиотские торговцы доставляли кельтам также произведения греческих ремесел. Наряду с винными амфорами в стоянках и могилах Восточной Галлии и Юго-Западной Германии находят ионийские, массалиотские и особенно аттические килики, стамносы, кратеры и аналогичные сосуды. Греческая посуда, по-видимому, пользовалась хорошим спросом у «варваров», недаром ее находят столь часто. Наряду с керамикой массалиоты продавали кельтам и бронзовые сосуды, которые использовались как ритуальные; поэтому и находят их, главным образом, в могилах. К таким сосудам относятся и знаменитый кратер из Вика, описанный выше.

В конце VI — начале V в. до н. э. центр развития кельтского мира при переходе от галлыштатской культуры к латенской переместился. В VI в. этот центр находился у истоков Рейна и Дуная и в районе между Араром и Секваной. В следующем веке он перемещается к северу, в район среднего Рейна и Мозеля и в совр. Шампань⁴⁶. Это перемещение связано с первой волной кельтских вторжений в Южную Галлию. Свидетельством вторжения являются разрушения ряда поселений местных племен, окаймляющих лигурийскую область, на территории которой была основана Массалия, с севера. Так, в раскопках поселений Мальпа (деп. Ардеш) и Пер (деп. Дром) ясно прослеживается слой разрушений, датируемый приблизительно 500 г. до н. э.⁴⁷. Четко

⁴³ J o f f r o u, *L'oppidum...*, стр. 37—38.

⁴⁴ V i l l a r d, *ук. соч.*, стр. 120, 130; Ф и л и п, *ук. соч.*, стр. 36, 90.

⁴⁵ Там же, стр. 129.

⁴⁶ Ф и л и п, *ук. соч.*, стр. 58; V i l l a r d, *ук. соч.*, стр. 137 сл.; K i m m i g, *Rapport...*, стр. 170; C. F. C. H a w k e s, *The celts, VIII Congrès international d'archéologie classique*, P., 1965, стр. 67.

⁴⁷ J.-J. H a t t, *Fouilles de Pegue (Drôme) et de Malpas (Ardech) et leur signification pour la chronologie des invasions celtiques*, CRAI, 1959, стр. 87—88, 90—91; J.-J. H a t t, A. P e r a u d, Ch. L a g r a n d, *Le Pegue, habitat hallstatien et comptoir ionien en Haute Provence*, Atti del VII. Congresso, стр. 180—182, 184, 186; A. B r u h l,

видны следы пожара, в частности — насквозь прокаленная земля и каменная осыпь, свидетельствующая о разрушении стен.

Эти перемещения в «варварском» мире приводят к важному результату: массалиотская торговля с Севером практически прекращается в начале V в. до н. э. Не найдено пока ни одного свидетельства массалиотского импорта в могилах вождей первой эпохи Латена⁴⁸, зато резко увеличивается этрусский. Этрусские бронзовые сосуды различного вида (ойнохои, стамносы, амфоры, ситуты и др.) широко распространяются в Западной Германии и Восточной Галлии, проникая даже до Скандинавии (разумеется, путем посреднической торговли)⁴⁹. Редкие аттические вазы, найденные в кельтских землях и датируемые V веком, были, по-видимому, также доставлены этрусками или через их посредство.

Торговые пути, которыми греки получали драгоценные товары Севера олово и янтарь, теперь переместились. Балканские греки стали получать эти товары не в Массалии, которая перестала торговать с северными странами, а от этрусков или, что, пожалуй, более вероятно, в своих колониях на северо-восточном берегу Адриатического моря Спинне и Адрии. Это не исключает посредничество этрусков: греки этих городов, по-видимому, получали товары от этрусков, живших в долине Пада (да и в самой Спинне вместе с греками жили и этруски); недаром именно в середине V в. до н. э. (между 460 и 420 гг.) торговля между Спинной и Фельзиной (совр. Болонья), главным центром паданской Этрурии, достигает своего апогея⁵⁰. Вероятно, именно в это время возникает представление о Паде как о легендарном Эридане, богатом янтарем, поскольку экспорт янтара шел именно из гаваней Северной Адриатики⁵¹. В первой половине V в. до н. э. Эсхил еще отождествлял Эридан с Роданом, а во второй половине того же века Эврипид уже помещал эту легендарную реку на адриатическом побережье (у Plin., NH, XXXVII, 32). Плиний (там же) пишет, что «более добросовестные» поэты говорили даже о каких-то Янтарных островах в Адриатическом море.

Итак, на рубеже VI—V вв. до н. э. или в начале V в. связи греков с северными странами, источниками олова и янтара, пресеклись. Надо отметить, что и в VI в. массалиотские купцы едва ли сами добирались до этих стран, но активная посредническая торговля наряду с товарами доставляла какие-то (хотя, быть может, и смутные) знания о земле кельтов и о далеких Оловянных островах — Касситеридах. В V в. Массалия оказалась отрезанной от внутренних областей Галлии, а между греками Северной Адриатики и заальпийскими народами встали посредники — этруски. К этому времени (приблизительно в середине V в. до н. э.) и относятся слова Геродота, что ни о крайних западных областях Европы он не может сказать ничего достоверного, ни об Эридане, ни о Касситеридах, ни даже о том, есть ли вообще море по ту сторону Европы (Her., III, 115).

Только в IV в. до н. э. Массалия возобновляет торговлю с внутренней Галлией. Стремление массалиотских торговцев восстановить старые пути торговли с Севером и было, по-видимому, основной причиной снаряжения экспедиции Пифея. Этот замысел удался: приведенные в начале статьи сообщения Диодора и Страбона, источником которых был частично Посидоний, говорят о существовании трансальпских путей олова в период, последовавший за путешествием Пифея; и надо отметить, что эти пути совпадали с теми, которые, судя по археологическим данным, существовали в VI в. до н. э. — по Родану-Арапу-Секване и по Родану-Лигеру.

Informations archéologiques: Circonscription de Grenoble, «Gallia», t. XVIII, 1960, стр. 373, 376; M. de G l a y, Informations archéologiques, «Gallia», t. XXII, 1964, стр. 528.

⁴⁸ Villard, ук. соч., стр. 131; K i m m i g, Rapport..., стр. 173.

⁴⁹ Н. Н. З а л е с с к и й, Этруски в Северной Италии, Л., 1959, стр. 73—74, 109; Ф и л и п, ук. соч., стр. 55; Villard, ук. соч., стр. 131; F. B e n o i t, Les fouilles d'Aleria et l'expansion hellénique en Occident, CRAI, 1961, стр. 167; J o f f r o y, La tombe à char de Pernant (Aisne), «Gallia», XXI, 1963, стр. 1—5.

⁵⁰ A r i a s, ук. соч., стр. 68.

⁵¹ З а л е с с к и й, ук. соч., стр. 74.

«Оловянный» путь, связывавший греческий мир с далекими северными окраинами Европы, имел большое значение для греков. Он сыграл важную роль как в экономике Эллады, так и в развитии научных представлений греков о мире, способствовал развитию их географической мысли. С другой стороны, на примере этого пути мы вновь видим, какой значительной была роль «варварской» периферии: «оловянный» путь не только был создан совместными действиями греков и «варваров», но и изменения в «варварском» мире привели к изменениям направления этого пути, что, в свою очередь, не могло не оказать влияния на греческую экономику, политику и науку.

Ю. Б. Циркин

THE TIN ROUTE AND THE NORTHERN TRADE OF MASSALIA

by Yu. B. Tsirkin

Information about the existence of a trans-Gallic tin route comes from Strabo and Diodorus, who both drew on Posidonius. But the earliest references to the tin connection with Bretania are found in Timaeus. Archaeological evidence indicates that a tin route from Bretania to Massalia existed as early as the first half of the sixth century B. C., soon after this Phocaean colony was founded.

Hecataeus and the source of Avienus's poem *Ora Maritima*, which goes back to the end of the sixth and beginning of the fifth centuries B. C., attest to ties between Massalia and Gaul at that time. Archaeological data, including material found in Vix, indicate ties between the Gallic hinterland and Massalia, and not Etruria. Etruscan importations become frequent in these parts only from the end of the sixth century. Comparison with excavation results in northern Italy excludes the possibility of a route between Adria and Vix.

The trans-Gallic tin route arose in the early sixth century, when the founding of Massalia coincided with intensive progress in the social differentiation of the Celtic tribes.

The testimony of Strabo and the archaeological evidence show that there was both a Rhône — Loire and a Rhône — Rhine tin route (excavations at Heuneburg are of great significance for the latter route.).

Amber must have been brought to Massalia as well as tin by this route. This is attested by amber finds at several points along the tin route and by the name Eridanus sometimes applied by Greek authors to the Rhône. In exchange for these goods the Massaliote traders sent the Celts wine and products of handicraft, in particular pottery.

At the end of the sixth and beginning of the fifth centuries the centre of development in the Celtic world shifted, which resulted in the first wave of Celtic invasions into southern Gaul and the destruction of several Ligurian settlements north of Massalia. This led to a break in contacts between the Massaliotes and the Celts and the disruption of the then existing tin route. After that the Etruscans became the chief trading partners of the Celts. The Greeks got tin from the Etruscans, to a considerable extent through their north Adriatic colonies. Hence the removal of the legendary Eridanus to northern Italy and Herodotus's ignorance of the extreme western parts of Europe.

Massalia did not resume trade with the Gallic hinterland till the fourth century B. C. Interest in reviving this trade was apparently the main reason for the expedition of Pytheas. The plan succeeded: Posidonius refers to trans-Gallic tin routes existing in his days. These routes coincide with the sixth century Rhône-Saône-Seine and Rhône—Loire routes.

К ВОПРОСУ ОБ ОРИЕНТАЛИЗИРУЮЩЕМ СТИЛЕ В ИСКУССТВЕ АРХАИЧЕСКОГО КОРИНФА

В период сложения рабовладельческих полисов в Греции, сопровождавшийся интенсивным развитием экономики и усилением внешних связей, Коринф выдвинулся в число крупнейших художественных центров Пелопоннеса. Историческая традиция приписывает коринфским мастерам «изобретение» живописи, скульптурно украшенного фронтона храма, пластических архитектурных украшений¹. Однако основными материалами, которыми мы располагаем для изучения раннеархаического искусства Коринфа, являются произведения мелкой пластики, торевтики и вазовой живописи². В настоящее время можно считать установленным, что Коринф являлся центром производства «протокоринфской» керамики, найденной в большом количестве при раскопках Коринфа и находящихся в его владении святилищ Перакоры³.

Стиль коринфской вазописи и пластики конца VIII — середины VI вв. до н. э. в науке принято называть ориентализирующим, однако при детальном изучении и сопоставлении коринфских и древневосточных произведений трудно разграничить и выявить определенные восточные художественные влияния. Это особенно характерно для произведений раннеориентализирующего (раннепротокоринфского) периода⁴. К этому времени относятся мелкие сосуды (арибаллы), а также амфоры, ойнохои и вазы других форм (наибольшее количество раннепротокоринфских vaz происходит из древнейших греческих колоний Кум и Сиракуз). В Эрмитаже и ГМИИ представлено несколько арибаллов последней четверти VIII в. до н. э. (рис. 1, 2)⁵. Сравнив эти сосуды с геометрическими, можно убедиться в том, что в керамике не только появляется новая форма — арибалл⁶, но и новые принципы орнаментации, отличные от геометрических. Облик vaz становится более легким, в то время как на более ранних сосудах роспись, сконцентрированная на плечиках, сочеталась с покрытой темным лаком нижней частью вазы, теперь сосуды опоясываются тонкими полосами и покрываются лаком только у основания. В росписях используются новые декоративные мотивы — лучи, лепестки,

¹ P l i n., NH, 35, 15—16, 151; P i n d., Ol. XIII, 20; H. P a u n e, Necrocorinthia, Oxf., 1931, стр. 250 сл.

² К 640—630 гг. до н. э. относятся наиболее ранние произведения греческой монументальной живописи — расписные метопы храма Аполлона в Ферме, несомненно, исполненные коринфскими мастерами (H. P a u n e, On Thermon metopes, BSA, 27, 1925—26, стр. 124 сл.). Наиболее ранние произведения архаической монументальной скульптуры относятся к середине VII в. до н. э. (R. J. H. J e n k i n s, Dedalica, Cambr. 1936, стр. 49—50, 67 сл.).

³ Corinth, v. VII, 1. Harvard Un. Press, 1943, стр. 33 сл.; Corinth, v. XIII, Princeton, 1964, стр. 50 сл.; Perachora, v. I, Oxf., 1940, стр. 192 сл.; Perachora, II, Oxf., 1962, стр. 4 сл. Об истории изучения протокоринфской керамики и гипотезах относительно возможных центров ее производства см. R. M. C o o k, Greek Painted Pottery, L. 1960, стр. 310 сл.; см. также S. W e i n b e r g, рец.: Perachora, II, AJA, 1963, 67, 4, стр. 425. В настоящее время термин «протокоринфский» употребляется как определение стиля коринфской вазописи раннеархаического периода (725—640 гг. до н. э.).

⁴ 725—700 гг. до н. э. Хронология протокоринфских vaz разработана К. Ф. Йохансеном (Les vases sicyoniens, Paris — Kopenhagen, 1923) и X. Пэйном (Necrocorinthia, passim; о н ж е, Protokorinthische Vasenmalerei, B., 1933, стр. 20) в соответствии с заведомо датированными Фукидидом датами основания сцилийских колоний; датировки периодов, предложенные Пэйном и модифицированные С. Вейнбергом (Corinth, v. VII, 1, стр. 33 сл.), являются общепринятыми.

⁵ Эрмитаж, Б. 1130, поступил в 1852 г. из собрания Лаваль. Выс. 7,5 см. (L. S t e r h a n i, Die Vasensammlung der Kais. Ermitage, St. Petersburg, 1869, № 1411); Б. 3390, передан в 1924 г. из музея Штиглица (подарен Шлиманом в 1886 г.). Выс. 7,7 см.; Б. 1129, поступил в 1852 г. из собрания Лаваль. Выс. 6,3 см (S t e r h a n i, ук. соч., № 1416). Сосуды из собрания Лаваль, вероятно, найдены в Италии; «Античное искусство». Каталог ГМИИ», М., 1963, стр. 17, П I 6 13.

⁶ Возможно, эта форма происходит от раннегеометрических кувшинчиков и, таким образом, является исконно коринфской, а не заимствованной с Крита, как предполагал Пэйи (Perachora, II, стр. 10—11; Corinth, v. VII, 1, стр. 15, 18, табл. 8, 48; 10, 63). Дж. Брок предполагает происхождение этой формы от восточных арибаллов, вероятно, изготовлявшихся из фаянса (J. R. B r o s k, Fortetsa, Cambr., 1957, стр. 160).